

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Рассматриваются некоторые современные подходы в объяснении причин преступности и отмечается, что сторонников этих подходов объединяет небрежное отношение к терминам, используемым ими при определении процессов детерминации преступности. Проводится анализ этих подходов, предлагается авторское видение проблемы детерминации преступности с определением конкретных терминов, раскрытием их содержания, указанием на наличие связей между ними.

Ключевые слова: преступность; детерминанты; причины; условия; факторы.

Отдельные идеи криминологического характера высказывались в России практически с появлением первых источников уголовного права. Авторами этих идей были в значительном числе случаев богословы-философы, поскольку влияние религии на общественную жизнь было огромно, многие науки об обществе длительное время развивались в рамках религиозного сознания. Кроме того, общественные процессы развивались достаточно медленно, основные устои общества были консервативны, повторялись из поколения в поколение, поэтому религия как теория высокого уровня вполне могла удовлетворить общественные запросы в объяснении основных социальных явлений, в том числе причин преступности.

Отмена крепостного права в России способствовала стремительному развитию промышленности, проникновению капитализма в деревню. Реформы 1861 г. ускорили не только позитивные преобразования в России, но и привели к целому ряду негативных последствий в этой преимущественно крестьянской стране. Капитализация деревни сильно ослабила крестьянскую общину, которая не только консервировала развитие производительных сил, но и защищала экономические и другие интересы крестьян, сохраняла нравственные устои, язык и культуру российского земледельца. Начавшийся процесс разложения сельской общины лишил крестьян единства и защищенности, способствовал их обезземеливанию и обнищанию, вымиранию целых деревень. Безземельные крестьяне становились вынужденными мигрантами, которые покидали свои деревни, вливаясь целыми семьями в многочисленные уголовные шайки, либо по решению сельской общины удалялись из «мира» за «пьянство» и «смуту» и в последующем ссылались в Сибирь в административном порядке, оставаясь без жилья и определенных занятий. Значительная часть сельских мигрантов ушла в города, образовав там целые армии бродяг, проституток и сутенеров или превратившись в маргиналов-пролетариев, неадаптированных к условиям труда на фабрике [1. С. 23–24, 29, 98–99, 127].

Дикая капитализация деревни уже в то время наглядно показала, какими криминальными издержками сопровождается вынужденная и неуправляемая миграция сельского населения. Разрушение сельской общины способствовало падению нравов, ослаблению родственных связей, разрушению семьи как основы биологического и социального воспроизводства населения. В результате преступность в России через не-

сколько лет после реформ стала развиваться по общемировым законам, т.е. расти, причем темпами, опережающими прирост населения [1. С. 86–87, 95].

Такое состояние преступности способствовало расширению предмета классической школы уголовного права, представители которой занимались изучением исключительно юридической модели преступления. Использование представителями классической школы уголовного права при изучении преступности статистики наглядно показало, что количество ежегодно регистрируемых преступлений и преступников обнаруживает определенные закономерности. Одни исследователи, преимущественно реформаторы, обнаружили эти закономерности в социальных процессах общества, другие, преимущественно консерваторы, в особых свойствах преступников. Эти группы исследователей положили начало возникновению в России двух основных теорий причин преступности, которые принято называть социологическим и антропологическим направлениями.

Русскую социологическую школу уголовного права выделяли две основные особенности. Во-первых, многофакторный подход к объяснению причин преступности, во-вторых, меньшая, по сравнению с социологическими школами западных стран, зависимость от антропологических теорий причин преступности. Отечественные криминологи полагали, что основные постулаты теории факторов были впервые сформулированы и обоснованы в виде целостной теории русскими криминалистами, а не итальянцем Э. Ферри, как принято считать на Западе [1. С. 243–249]. В частности, еще в 1873 г. русский криминалист И.Я. Фойницкий в своей статье «Влияние времен года на распределение преступлений» за несколько десятилетий до Э. Ферри отмечал, что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных. К числу общественных факторов И.Я. Фойницкий относил уровень цен на продукты, развитие торговли, организацию труда; к числу физических факторов – пол, возраст, природную среду обитания человека (климат, почву, температуру воздуха). Например, проанализировав французскую уголовную статистику с 1836 по 1869 г., И.Я. Фойницкий утверждал, что «имущественные преступления тяготеют к холодным месяцам, а преступления личные – к месяцам жарким». Исходя из этого, автор делал слишком прямолинейный вывод о том что улучшение климата способствует снижению числа краж [2. С. 142]. К личным факторам И.Я. Фой-

нический относил психическую деятельность личности (волю, разум и т.д.).

Основные положения социологической школы развивались в дальнейшем целой плеядой русских исследователей (Е.Н. Тарновским, М.Н. Гернетом и др.).

Сегодня многие выводы, сделанные представителями социологической школы, выглядят поверхностными и наивными, эти выводы не позволяют увидеть механизма порождения преступности, фиксируют лишь несущественную зависимость между преступностью и некоторыми явлениями. Однако большой заслугой представителей этой школы явилось то, что они обратили внимание на взаимосвязь социальных (в том числе и экономических) процессов и преступности, на необходимость улучшения условий жизнедеятельности людей при решении проблем борьбы с преступностью.

Антропологическое направление в России было представлено как медиками, так и юристами. Следует отметить, что и те, и другие не были ортодоксами антропологической доктрины преступности, поскольку признавали влияние на нее социальных процессов, а потому необходимость применения не только карательных мер, но и решения целого ряда социальных проблем.

Профессор права Н.А. Неклюдов утверждал, что именно возраст человека определяет количество преступников и характер совершенных ими преступлений. Изучив данные уголовной статистики на примере Франции, Н.А. Неклюдов пришел к выводу о том, что преступления против собственности склонны совершать подростки, против личности – молодые люди, политические преступления – люди в возрасте 40–45 лет [3. С. 40–41, 57–58, 90]. Подмеченная Н.А. Неклюдовым особенность структуры преступности возражений не вызывает. Однако заблуждением является то, что возраст рассматривается исключительно как физическое свойство личности. Между тем это свойство, прежде всего, социальное: каждому возрасту свойственны различные виды социальной активности и различные социальные роли [4. С. 24]. Понимая, что определенный возраст сам по себе не превращает человека в преступника, Н.А. Неклюдов признавал влияние на преступность социальных факторов: порядка управления, имущественных отношений и т.д. [3. С. 235].

Одним из наиболее известных врачей-антропологов являлась П.Н. Тарновская. На основании сравнительного изучения контрольных групп женщин с социально-отклоняющимся поведением (преступницы и проститутки) и женщин с нормативно одобряемым поведением П.Н. Тарновская пришла к выводу о том, что женщины-преступницы анатомически отличаются от законопослушных женщин (по росту, размеру челюстей, асимметричности лица и т.д.) [5. С. 5, 21, 63–64]. Однако выводы П.Н. Тарновской приходили в противоречие с жизненной биографией исследованных ею женщин, преступниц и проституток (поскольку большинство из них до совершения преступлений или занятия проституцией находились в тяжелых условиях) [1. С. 306–307]. Это обстоятельство определило непоследовательность антропологических

взглядов П.Н. Тарновской на политику противодействия преступности, поскольку она предлагала использовать не только карательные меры, но и меры по улучшению условий жизни людей (трудоустройство, организация обучения и т.д.) [5. С. 21].

И социологическое, и антропологическое направления в теории причин преступности были практически основными в изучении данной проблемы русскими исследователями вплоть до начала Первой мировой войны.

Участие России в мировой войне, долгие годы гражданской войны обострили криминогенную обстановку в стране, остро поставили перед победившим режимом проблему борьбы с преступностью и необходимостью ее изучения. Центрами научных исследований в начале 20-х гг. стали создаваемые в ряде крупных городов кабинеты по изучению преступника и преступности. Практически с самого начала исследовательская деятельность этих кабинетов носила ярко выраженный антропологический характер. Доминирующие позиции во многих кабинетах заняли представители психиатрии и других естественных наук, которые в качестве основных детерминант преступного поведения выделяли психофизические аномалии личности. В результате криминологические исследования стали развиваться в тупиковом направлении, поскольку произошла полная подмена предмета и метода социальной науки. Вместо изучения преступности и преступника изучалось поведение лиц, страдающих психическими отклонениями, сами эти свойства; вместо методов, используемых в психологической и социальных науках активно использовались методы судебно-психиатрические. Вывод о биологической неполноценности преступников, смещение преступников и душевнобольных привели исследователей, претендовавших на первенство в изучении проблем криминологической науки, к заявлениям о необходимости вести борьбу с преступностью по правилам социально-клинической диагностики, заменить суд терапией. Подобных взглядов придерживались В.В. Бунак, Е.С. Вермель, Е.К. Краснушкин и ряд других исследователей.

Такое увлечение криминологических учреждений биологическими факторами преступности в какой-то мере было обусловлено влиянием дореволюционных доктрин причин преступности, т.е. антропологического направления и социологической школы уголовного права, представители которой, как уже отмечалось, также признавали большое значение психофизических свойств личности в преступном поведении. Однако основная причина распространения антропологических теорий состояла в догматическом восприятии последователями общеидеологических «постулатов» марксизма об антикриминогенном характере социализма. Исследователи изначально исходили из того, что после Октябрьской революции «подорваны социальные корни преступности». Такая посылка означала, что причины преступности должны вытекать из каких-либо особых свойств личности преступника. Однако откровенно антропологические выводы психиатров скоро пришли в очевидное противоречие с марксистской доктриной, исходящей из социальной природы преступности.

Теоретические заблуждения сторонников биологического направления в изучении преступников в совокупности с господствовавшей государственной идеологией и реальными успехами в противодействии преступности привели к негативным последствиям: в 1930-х гг. криминологические исследования были практически свернуты, а проводившие их учреждения были либо закрыты, либо перепрофилированы на разработку проблем так называемой исправительно-трудовой политики [6. С. 18–21]. В последующие десятилетия проблемы преступности изучались в основном, в рамках судебной статистики. Вплоть до 60-х гг. отдельные положения о преступности находили отражение в учебниках уголовного права. Однако исследователи в основном ограничивались рассуждениями общего характера о ликвидации в СССР основной причины преступности – эксплуатации, о преступности как пережитке прошлого (капитализма), который сохраняется благодаря во многом подрывной деятельности враждебного империалистического окружения, о поставленной коммунистической партией задаче полного искоренения преступности [7. С. 3–9, 76–77].

С середины 60-х гг. XX в. ситуация стала постепенно изменяться. Криминологические воззрения стали отклоняться от одной крайности к другой:

а) в области идеологической – от признания социализма антикриминогенной системой до признания преступности вечным явлением;

б) в области собственно научного познания – от попытки найти одну-единственную причину преступности до признания невозможности вообще установить причины преступности.

В частности, в 1966 г. И.И. Карпец опубликовал статью «О природе и причинах преступности в СССР». На вопрос существует ли преступность, с присущим ему мужеством ответил честно и однозначно: «...когда существуют причины, порождающие преступность, то и наличие правонарушений и преступности относится к закономерным явлениям» [8. С. 86–90]. В этой же статье И.И. Карпец подверг критике бытовавшее среди советских юристов мнение об отсутствии при социализме социальных причин преступности. По мнению автора, если преступность как социальное явление реально существует, то оно должно иметь причины, которые носят социальный характер. И.И. Карпец отмечал, что в СССР нет коренных причин преступности (эксплуатация человека человеком, безработица, нищета и т.д.), поэтому необходимо искать эти причины в пережитках прошлого, а также в негативном влиянии на социалистический лагерь империалистического окружения. Пережитки прошлого (главным образом капитализма) воплощаются в общественном и индивидуальном сознании граждан, а также в их поведении. Объективные трудности общества, строящего коммунизм, а также отдельные недостатки и упущения советского общества не выступают в качестве причин преступности, они могут лишь способствовать совершению конкретных преступлений. Наличие пережитков прошлого в сознании людей, живущих при социализме, И.И. Карпец объяснял относительной самостоятель-

ностью сознания относительно породившего его базиса, в частности, отставанием сознания от позитивных изменений в обществе [8. С. 86–90].

Динамичное развитие общества уже через несколько лет заставило криминологов развивать концепцию причин преступности, поскольку чрезмерное «долгожительство» «пережитков прошлого» в сознании людей явилось очевидным мифом. В этот период позиции исследователей сходились в одном – они единодушно признавали антикриминогенный характер социализма. Однако единая идеологическая платформа не помешала криминологам разделиться на три группы: одни исследователи объясняли существование преступности субъективными причинами, вторые – объективными социальными процессами, третьи – биологическими свойствами личности.

Наиболее рельефно теория субъективных причин преступности нашла отражение в работах Н.Ф. Кузнецовой, которая исходила из того, что детерминанты преступности при социализме связаны с противоречиями, унаследованными от прошлых частнособственнических формаций. Причинами преступности являются рудименты мелкобуржуазной психологии, индивидуалистические традиции, привычки, интересы и мотивация [9. С. 43, 56]. Эти пережитки прошлого воплощаются в дефектах общественного, группового и индивидуального сознания [Там же. С. 50, 52, 54]. Противоречия, которые встречаются в реальной практике социализма, иногда приводят к отдельным негативным явлениям – ошибкам, упущениям, просчетам в управленческой деятельности и т.д., которые способствуют сохранению преступности. При капитализме общественные противоречия непримиримы, поэтому они неизбежно порождают преступность, являются ее причинами. При социализме они утрачивают свой антагонистический характер, поэтому выступают в качестве условий, а не причин преступности. Кроме того, условием преступности при социализме является криминогенное влияние империалистического окружения [Там же. С. 39, 150–151, 175–183].

Недостатки этой теории достаточно явно проявились еще до краха тоталитарной системы. Это связано, во-первых, с тем, что автором не допускалась даже возможность постановки вопроса об ответственности социалистической системы за состояние преступности, поскольку изначально данная система объявлялась антикриминогенной. Н.Ф. Кузнецова применила двойной стандарт в объяснении причин преступности при капитализме и социализме, полагая, что в одной системе они коренятся в самой природе общества, вытекают из его глобальных противоречий, в другой – лежат в субъективной сфере. Практика реального социализма не подтвердила правильность этой доктрины, а политика противодействия преступности наглядно показала, что действительных успехов можно достичь прежде всего при решении социальных проблем объективного характера.

Во-вторых, недостатком этой теории являлось неправильное определение приоритетов политики противодействия преступности, поскольку чрезмерно большое значение придавалось не улучшению условий жизнедеятельности людей, а уголовно-правовой

политике, связанной, прежде всего, с реализацией уголовного наказания. В частности, Н.Ф. Кузнецова откровенно отмечала: «Как ни мал страх преступников перед наказанием, не следует преуменьшать значение общей и специальной уголовно-правовой превенции. В истории борьбы с преступностью были убедительные подтверждения значимой роли блокирования криминогенной мотивации страхом наказания» [9. С. 101].

Это суждение является справедливым лишь отчасти. Закономерно, что в условиях сильной криминализации общества, падения его антикриминогенного потенциала карательная политика играет весомую роль в противодействии преступности, поскольку потенциал иных мер исчерпан или очень мал. В такие периоды жизни общества появляются многочисленные доктрины, наукообразно обосновывающие высокий уровень карательных притязаний населения и приписывающие наказанию гораздо больший профилактический эффект, чем это есть на самом деле [10. С. 20, 45]. Реальная практика борьбы с преступностью показывает, что приоритет в этой области принадлежит решению основных социальных проблем, а не усилению уголовных репрессий, профилактический эффект от которых не столь уж велик [11. С. 6, 9–10, 13, 18, 22].

Вместе с тем отметим, что в позиции Н.Ф. Кузнецовой есть целый ряд моментов, заслуживающих внимания, в том числе и сегодня. Прежде всего автору удалось показать тесную взаимосвязь между нравственным состоянием общества, морально-психологическим климатом населения и состоянием преступности.

Во-вторых, Н.Ф. Кузнецова совершенно правильно указала на необходимость выделения причин преступности на трех уровнях: общества, социальных групп, личности, что способствует установлению преломления глобальных социальных процессов в конкретном преступлении. В-третьих, Н.Ф. Кузнецова удачно выделила внешние детерминанты преступности, связанные с криминогенным влиянием Запада на показатели преступности в СССР. Наконец, она справедливо подметила присущие преступности атавистические начала, хотя и преувеличила их значение.

Исследователи, исходившие из объективного характера причин преступности при социализме, отмечали, что существование преступности связано с негативными сторонами противоречий общественного развития. Эти противоречия по своей сути являются пережитками прошлых формаций, которые существуют не только в общественном сознании, но и в общественном бытии.

Внешние противоречия, порождающие преступность, сторонниками указанной позиции связываются с существованием социализма в условиях империалистического окружения, внутренние – делились на противоречия, связанные:

- а) с особенностями социализма как систем;
- б) конкретно-исторической обстановкой развития социализма;
- в) недостатками и ошибками, допускаемыми при управлении обществом [12. С. 30–31].

В рассматриваемом подходе основным позитивным моментом являлось то, что с общества не снима-

лась ответственность за состояние преступности, поскольку ее причины выводились из объективных социальных процессов. Опираясь на этот подход, исследователи в 1970–1980 гг. XX в. сделали достаточно много для объяснения причин преступности на индивидуальном уровне и уровне отдельных социальных групп.

Подход, при котором существование преступности объяснялось биологическими причинами, получил наибольшее обоснование в работах И.С. Ноя [13. С. 164–165, 173, 178–180].

Краткий экскурс в историю отечественной криминологии показывает не только наличие в ней идеологических заблуждений и псевдотеорий, но и наличие конструктивных подходов, ярких и глубоких идей, которые нуждаются в тщательном осмыслении и дальнейшем развитии.

В период новой истории России общей тенденцией многих криминологических работ является недостаточное внимание к вопросу о детерминации как преступности в целом, так и отдельных ее видов. Работ, посвященных специально этой проблеме, немного, но и в них проблема детерминант преступности, отдельных ее видов, остается, как правило, далекой от решения [14, 15]. На фоне такого отношения криминологов к исследованию одного из основных элементов предмета криминологической науки появляются идеи о «расширенной» криминологии (Г.Н. Горшенков). Сторонники этой идеи исходят из того, что накопленный массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует интегративного подхода к анализу и обобщению данных, полученных в результате исследований в рамках соответствующих наук. Вместе с тем следует видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще более широкого объема информации, накопленной в целом в гуманитарных науках. К числу таких проблем относятся и проблема детерминации в криминологии. В качестве основного аргумента сторонники «расширенной» криминологии приводят тезис о том, что преступность как форма противостояния личности и государства – это прежде всего политическая проблема. Но эта проблема имеет также социологическое, экономическое, психологическое измерения, а следовательно, может и должна исследоваться с помощью соответствующих отраслей знания.

Не возражая против идеи использования имеющихся знаний других наук при рассмотрении проблем детерминант преступности, отметим, что во-первых, интеграция таких знаний применительно к отечественной криминологической науке существовала всегда, что не давало повода говорить о «расширенной» криминологии. Во-вторых, необходимо помнить, что основные показатели преступности во многом обусловлены действующим уголовным законодательством, изменением которого в сторону криминализации или декриминализации отдельных общественно опасных деяний влечет за собой и изменения как показателей преступности в целом, так и отдельных ее видов.

В решении проблем детерминации преступности в настоящее время существует и другая крайность. Не-

которые исследователи (Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский) считают, что криминологическая теория может обойтись и без помощи концепции специфических причин преступности. С такой позицией трудно согласиться. Дело в том, что объективно существующая сложность разграничения причин преступности и иных форм социальной патологии не может рассматриваться в качестве повода для отказа от выявления специфических особенностей, свойственных явлениям, обуславливающим именно преступность. Более того, крайне важно в этом плане обнаружить специфику в характере и степени конкретных деформаций, создающих высокую вероятность именно преступного поведения. По мнению сторонников данного подхода, преступность является наиболее опасной формой негативных социальных явлений. В этой связи можно предположить, что она порождается наиболее острыми деформациями экономического и социального развития и является формой социального конфликта. Нередко преступность является результатом изменения менее опасных негативных социальных явлений. От воли законодателя зависит распределение общественно опасных деяний и отнесение одних к кругу правонарушений, других – к кругу преступлений. В этой связи разграничить детерминанты преступлений и правонарушений невозможно. Не случайно сторонники данной позиции включают в предмет криминологии и так называемые «фоновые» явления, которые, по нашему мнению, непосредственного отношения к преступности не имеют.

Сторонников обоих подходов объединяет небрежное отношение к терминам, которые они используют при определении процессов детерминации преступности. Более того, нередко исследователи даже не делают попытки объяснить содержание используемых терминов, наличие связи (или ее отсутствие) между используемыми терминами. Одни выделяют причины и условия преступности, вторые – полную причину преступности, состоящую из собственно причины и ее условия, третьи – причины, условия и факторы, четвертые ведут речь только о факторах. Очевидно, что указанные различия не являются чисто терминологическими, поскольку отражают различные подходы к изучению детерминант преступности, а именно: детерминистский и каузальный. Представляется, что для исследования проблем, связанных с детерминантами преступности, необходимо объединить оба подхода, поскольку рассмотрение в отдельности детерминистской и каузальной связей не отражает всех реально действующих взаимоотношений материального мира.

Основываясь на таком подходе, правильнее вести речь о детерминантах преступности, под которыми мы будем понимать собственно причины, условия действия этих причин и факторы, влияющие на преступность.

Причины выражают такой вид детерминации, как причинение, продуцирование преступности. Связь между причиной и преступностью носит генетический характер, поскольку причина порождает преступность как свое закономерное следствие [16. С. 531]. **Условия** создают благоприятные возможности либо для формирования причин преступности, либо для их реализации. Тем самым условие выражает другой вид детерминации – обуславливание [Там же. С. 707]. **Факторы** не порождают и не обуславливают преступность. Однако выделение их необходимо, поскольку они отражают зависимость развития общественных отношений и экономики, морали, религии, культуры и т.п. [Там же. С. 712]. Применительно к криминологической науке факторы отражают определенную зависимость между преступностью и целым рядом социально значимых явлений: половозрастной структурой населения, алкоголизмом, наркоманией, миграцией и т.д. Эта зависимость носит функциональный характер, т.е. определенному значению фактора соответствует лишь определенное значение преступности [17. С. 129–130]. Причем изменение значения фактора не всегда может привести к адекватным изменениям показателей преступности, поскольку связь между этими явлениями многократно опосредована другими социальными явлениями, в частности, факторами антикриминогенными, способными либо смягчить действие криминогенных факторов, либо нейтрализовать их.

Таким образом, полный набор детерминант преступности образуют: собственно причины, условия и факторы преступности. Очевидно, что выделение указанных детерминант носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной взаимосвязи и воплощаются в единую криминогенную социальную ситуацию.

Криминогенная социальная ситуация – это многоуровневый и многозвенный комплекс негативных процессов, происходящих в обществе и выражающих квинтэссенцию общественных отношений. Криминогенная социальная ситуация способствует формированию в обществе социальных конфликтов и моделей их разрешения преступным путем, которые через конкретные проблемные жизненные ситуации групп или отдельных индивидов реализуются в конкретных преступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М. : Изд-во МГУ, 1960. 339 с.
2. Фойницкий И.Я. Влияние времен года на распределение преступлений // Судебный журнал. 1873. № 1–2 (январь – февраль). С. 142.
3. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды: Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. Рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права. Этюд 1. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 257 с.
4. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Личность преступника: криминологический аспект. Томск : Томский филиал РИПК МВД России, 1995. 50 с.
5. Тарновская П.Н. Воровки. Антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1891. № 10. С. 10–64.
6. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М. : Наука, 1977. 192 с.

7. Вышинская З.А., Меньшагин В.Д. Советское уголовное право. М. : Госюриздат, 1950. 520 с.
8. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 82–91.
9. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
10. Манн Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1926. 73 с.
11. Никонов В.А. Преступность и репрессия: опыт использования методов математической статистики. Тюмень : ТВШ МВД РФ, 1993. 25 с.
12. Сахаров А.Б. О концепциях причин преступности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 25–34.
13. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 222 с.
14. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М. : Норма, 2006. 112 с.
15. Ларьков А.Н. Причины преступности в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2016. № 6. С. 16–23.
16. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
17. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учеб. Томск : ДиВо, 2007. 230 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 мая 2017 г.

SOME APPROACHES TO THE CONSIDERATION OF THE DETERMINANTS OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 160–166.

DOI: 10.17223/15617793/420/24

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Aleksandr V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Keywords: criminality; determinants; causes; conditions; factors.

The subject of this article is the main positions of Russian researchers in identifying the determinants of crime. The main aim is to analyze the basic approaches to the definition of the determinants of crime in the domestic criminological science and to express the authors' attitude on this issue. The works of Russian researchers on the indicated problem encouraged the authors. In the process of work, the authors used the methodological principles of universal communication, objectivity, consistency, general scientific methods (analysis, synthesis, analogy) and private scientific methods (formal-logical, method of summary and grouping). In the second half of the 20th century, there were two main directions in studying the causes of crime: sociological and anthropological ones. The Russian sociological school was distinguished by two main features. The first is a multifactor approach to the explanation of the causes of crime; the second is a smaller dependence on anthropological theories of the causes of crime than in the sociological schools of Western countries. The anthropological direction in Russia was represented both by doctors and lawyers. But unlike their colleagues from other countries, they were not the orthodox supporters of the anthropological doctrine of crime, because they recognized the influence of social processes. In the USSR, in the early 1920s scientific research centers were offices for studying the criminals and crimes established in several large cities, but their activities did not last long. In the 1930s, criminological research was practically suspended, and the institutions that conducted these studies were either closed or re-profiled. Until the 1960s, certain provisions on crime and its causes were studied in the context of judicial statistics. Since the mid-1960s, the situation began to change. During that period, the positions of researchers converged in the following: they unanimously recognized the anti-criminal nature of socialism. However, it did not prevent criminologists from dividing into three main groups: some researchers explained the existence of crime by subjective causes, the second by objective social processes, the third by the biological features of individuals. The article analyzes all directions in the causes of crime explanation. In the period of modern history of Russia, many criminological works tend to pay insufficient attention to the question of the determination of both criminality in general and its individual types. The article deals with some modern approaches to the causes of crime. The authors note that proponents of these approaches are often careless about the terms they use for defining the processes of determination of criminality. The authors analyze these approaches, give their opinion about the problem of determination of crime, define specific terms, reveal their content and indicate the existence of links between them.

REFERENCES

1. Ostroumov, S.S. (1960) *Prestupnost' i ee prichiny v dorevol'yutsionnoy Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State University.
2. Foynitskiy, I.Ya. (1873) Vliyanie vremen goda na raspredelenie prestupleniy [Influence of the seasons on the distribution of crimes]. *Sudebnyy zhurnal*. 1–2, pp. 142.
3. Neklyudov, N.A. (1865) *Ugolovno-statisticheskie etyudy: Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu. Rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra ugovornogo prava. Et-yud I* [Criminal and statistical studies: Statistical experience of the study of the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime. Reason, written to obtain a master's degree in criminal law. Etude 1]. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i komp.
4. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (1995) *Lichnost' prestupnika: kriminologicheskii aspekt* [Personality of the criminal: a criminological aspect]. Tomsk: Tomskiy filial RIPK MVD Rossii.
5. Tarnovsnaya, P.N. (1891) Vorovki. Antropologicheskoe issledovanie [The thieves. Anthropological research]. *Zhurnal russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdoraviya*. 10. pp. 10–64.
6. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1977) *Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki* [Criminology. Corrective labor law. History of legal science]. Moscow: Nauka.
7. Vyshinskaya, Z.A. & Men'shagin, V.D. (1950) *Sovetskoe ugovornoe pravo* [Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Karpets, I.I. (1966) O prirode i prichinakh prestupnosti v SSSR [On the nature and causes of crime in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 82–91.
9. Kuznetsova, N.F. (1984) *Problemy kriminologicheskoy determinatsii* [Problems of criminological determination]. Moscow: Moscow State University.
10. Manns, G.Yu. (1926) *Obshchee i spetsial'noe preduprezhdenie v ugovornom prave* [General and special warning in criminal law]. Irkutsk: Tip. izd-va "Vlast' truda".
11. Nikonov, V.A. (1993) *Prestupnost' i repressiya: opyt ispol'zovaniya metodov matematicheskoy statistiki* [Crime and repression: the experience of using methods of mathematical statistics]. Tyumen: TVSh MVD RF.

12. Sakharov, A.B. (1976) O kontseptsiyakh prichin prestupnosti v sotsialisticheskom obshchestve [On the concepts of the causes of crime in a socialist society]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 25–34.
13. Noy, I.S. (1975) *Metodologicheskie problemy sovetskoy kriminologii* [Methodological problems of Soviet criminology]. Saratov: Saratov State University.
14. Kudryavtsev, V.N. & Eminov, V.E. (2006) *Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskyy analiz* [The causes of crime in Russia. Criminological analysis]. Moscow: Norma.
15. Lar'kov, A.N. (2016) Prichiny prestupnosti v Rossii [The causes of crime in Russia]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury*. 6. pp. 16–23.
16. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
17. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2007) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General part]. Tomsk: DiVo.

Received: 04 May 2017